

К краниологии долган

А. Н. Юзефович

Среди краниологических коллекций Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР имеется девять долганских черепов. Шесть из них (коллекция 1077) найдены участниками Хатангской экспедиции Русского Географического общества (1906) С. Толстовым и В. Васильевым „в лесу у Хатангского погоста“, „все в одном месте, разбросанные друг от друга на расстоянии лишь нескольких сажен“, повидимому, черепа были „вырыты из могилы и обглоданы медведем“ (Регистрационная опись В. Васильева). Два других черепа (коллекция 4128) собраны начальником Хатанско-Анадырского этнографо-экономического отряда экспедиции Академии Наук П. В. Слепцовым в 1928 г. Мужской череп взят из арангаса на р. Тобулах, женский — из арангаса же на р. Казачьей (правые притоки Хатанги). Последний череп (коллекция 4614) приобретен от участника экспедиции В. Шмидта, Я. Савельева, и найден последним в северном бассейне Енисея в 60-х годах прошлого столетия.

Долгане до сих пор представляют загадку в отношении своей этнической принадлежности. Миддендорф¹ именно из среды долган выделил широко известного Мани, как „наиболее чистый якутский тип“, но более поздние исследователи склонны скорее видеть в них оякутившихся тунгусов. Сами долгане считают себя потомками тунгусов. Один из собирателей тунгусов В. И. Воронцов, в своем докладе на заседании ИРГО 30 марта 1907 г.² сообщил, что для разрешения вопроса об этническом происхождении долган он расспрашивал „почти всех встречных долган, а также многих якутов, на что в большинстве случаев получается ответ, что долгане — тунгусы, причисленные к так называемому „долганскому“ роду по принятии крещения. Многие старики утверждают, что они знают немало лиц из тунгусов, которые еще на их памяти крестились и причислились к долганам. Один долганянин

¹ А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб., 1869.

² В. Н. Васильев. Краткий очерк инородцев Туркменского края, 1907.

рассказывала, что он принадлежит к роду Чорпох и что предки его тунгусы; по его словам, семья тунгусов из нескольких братьев, с женами и детьми, забрав своих оленей и имущество, откочевала из среды своих родичей к северу, где вышла около р. Нижней на р. Хатангу. Здесь в скором времени вся семья в полном составе крестилась у местных крестьян и с тех пор стала считаться семьей долган". Другой долганин рассказывал автору предание, согласно которому долгане — потомки четырех семей тунгусов, выселившихся на север и поселившихся в дулгах (один из неподвижных типов зимних жилищ), по которым и получили прозвище — дулгане. В. Н. Васильев в результате своих наблюдений „склонен считать долган за тунгусских выходцев, хотя ни по языку, ни по образу жизни в настоящее время они не представляют разницы с якутами".

Рычков,¹ давший подробное географическое описание Туруханского края, говорит, что туруханские тунгусы насчитывают у себя 33 коренных рода, в том числе и долганский, который по издавна установившемуся обычаю, приобретал себе жен у якутов. Наряду с ним, существует якутский род долган, бравший себе жен из тунгусских родов. Иначе говоря, Рычков принимает долган за поголовных якуто-туングусских метисов. Таковыми же, по его словам, являются и енисейские якуты.

В настоящей работе я не ставлю перед собой задачи разрешения этого спора, равно как и не рассматриваю ее как участие в этнографической дискуссии. Вопрос о том, являются ли долгане потомками якутов или тунгусов, или тех и других вместе, не может решаться на основании краинологических данных, ибо, как об этом свидетельствуют все исследователи, среди населения Северной Азии, равно как и среди населения любой части эйкумены, нет ни одной этнической группы, однородной по своему физическому типу.

Приближение той или иной краинологической серии по тому или иному комплексу признаков к серии черепов более или менее близких к ним соседних этнических групп с одинаковым правом может быть объяснено как участием одной из них в образовании другой, так и происхождением обеих из одной морфологической группы, если, конечно, другие материалы (исторические и этнографические документы) не дают подтверждения какого-либо из этих вариантов.

В данном конкретном случае мы имеем определенные указания, с одной стороны, в преданиях самих долган, на их тунгусское происхождение, и с другой — в наблюдениях исследователей на определенное, возможно значительное, участие якутов и формирование их физического типа. Но поскольку ни тунгусы, ни якуты не представляют однородного физического типа, — решать вопрос о степени их участия в формировании физического типа долган мне представляется затруднительным. Поэтому перед настоящей работой мы стоим значительно более

¹ См. выше.

узкую задачу — дать краниологическую характеристику долган и попытаться решить вопрос об их положении среди современных человеческих рас.

Описываемая ниже серия, как уже сказано, состоит из девяти черепов; половая принадлежность точно установлена в отношении двух (коллекция П. В. Слепцова) по характеру погребения. В отношении черепов, собранных Н. Васильевым, С. Толстовым и Я. Савельевым, пол установлен по черепным особенностям. Таким образом, по половому признаку мы выделяем в серии семь мужских черепов и два женских.

При исследовании мы пользовались той же методикой, как и при работе с якутскими черепами.¹

Помимо опубликованных материалов по краниологии народов Северной Азии, мы привлекаем для сравнения три мужских черепа туруканских тунгусов из коллекций Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Два из этих черепов добыты участником Хатангской экспедиции ИРГО С. Толстовым в 1906 г. на берегу оз. Ессея, и один найден П. Е. Островским в окрестностях оз. Мюзуктэ. Краниометрические данные по этим черепам любезно сообщены нам Е. В. Жировым, исследовавшим их для подготовляемой им к печати работы по краниологии тунгусов.

Сравнивая абсолютные размеры долганских черепов по рубрикации Бунака,² нужно сказать, что мужская группа обладает короткой, среднеширокой и низкой мозговой коробкой и широким и высоким лицом, ортогнатным по углу профиля. Сравнительно менее значительная величина общей высоты лица, по которой мужская серия попадает в пределы верхней границы средневысоких, не может иметь серьезного влияния на нашу характеристику, так как получена она из измерений всего трех черепов. Но индивидуальная вариабельность внутри серии достигает значительных размеров. Так, по наибольшей длине черепа амплитуда колебаний составляет 19 мм, т. е. среди исследованных черепов есть как короткие, так и длинные; по наибольшей ширине — узкие и широкие; по высоте лица — среднелицые и очень высокие, и т. д. То же самое надо сказать и в отношении указателей отдельных частей лица. И только по лобнопоперечному и нёбному указателям серия представляется однородно узколобой и широконёбной.

Сравнение мужских долганских черепов с черепами других серий обнаруживает, прежде всего, поразительное их сходство с черепами туруканских тунгусов и ессеевских якутов, описанных нами как I тип якутских черепов (табл. 2).

Особенно велико сходство долганских черепов с тунгусскими; последние только несколько более широколицы (лежат в пределах верхней границы мезапости), более широконосы (мезориния), у них более низкое нёбо (хаместафия).

¹ А. Н. Юзевович. Два типа якутских черепов. Антропол. журн., 1937.

² В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский. Антропология. М., 1941.

Якуты обладают абсолютно соединенным и умеренношироким мозговым черепом, широким (нижняя граница) по черепному и низким (верхняя граница) по ортогнатно-продольному указателю. Они незначительно более широколицые, имеют более низкое нёбо, меньший угол профиля лица и относительно широкое носовое отверстие.

Заслуживает внимания тот факт, что по тем признакам, по которым туруханские тунгусы отличаются от долган, они (тунгусы) сближаются с туруханскими (есейскими) якутами. В то же время по абсолютной величине продольного диаметра ессейские якуты несравненно ближе к своим соседям — туруханским тунгусам и долганам, чем к нашим якутам I группы; по поперечному диаметру они так же сильно отличаются от последних, как и от своих туруханских соседей, и только по черепному и глазничному указателям из всех признаков ессейские якуты ближе к якутам II группы, чем к тунгусам Туруханского края и долганам. Другими словами, рассматриваемое население Туруханского края выступает перед нами, как единая морфологическая группа, заметно отличающаяся от якутов II группы.

Вместе с тем, эта группа заметно отличается от прибайкальских тунгусов Я. Я. Рогинского.¹ Последние обладают абсолютно длинным и средневысоким черепом, умереношироким и низким по указателю; абсолютно же короткие и низкие черепа туруханской группы приближаются к чрезмерной широкоголовости и в основном являются средневысокими. Различия в лице тоже менее выражены, но можно сказать, что прибайкальские тунгусы обладают абсолютно большим, сравнительно с туруханским населением, и относительно менее широким нёбом; что они немного более высоколицые, что у них несколько более низкий нёб и т. д. Но, как уже сказано, все различия на лицевом скелете очень незначительны и имеют значение только в совокупности с отмеченными ранее различиями на мозговом черепе. Весь комплекс этих различий позволяет мне рассматривать прибайкальских тунгусов как морфологическую группу, отличающуюся от туруханцев.

Наконец, не менее заметно отличие каждой из рассматриваемых туруханских групп в отдельности и всех трех вместе взятых от основной массы якутов, исследование черепа которых имеют более южное (юго-восточное) происхождение. Якуты, в отличие от туруханцев, обладают абсолютно коротким (107.4) и высоким (141.75) черепом, средними черепными указателями (80.25), с очень широким (145.7) и довольно длинным (78.8) лицом, ортогнатным по указателю (94.8) и углу профиля (89.2), с относительно высокими глазницами (указатель - 80.8) и высоким нёбом (указатель — 33.7).

Таким образом, сравнение черепов туруханских долган, якутов и тунгусов с известными черепами их соседей также не противоречит высказанному мною положению о морфологическом своеобразии первых.

¹ Я. Я. Рогинский. Материалы по антропологии тунгусов северного Прибайкалья. Антропол. журн., 1934.

№ № по Мартину	Название признака	4614—4	5516—2	1077—6	1077—7
		♂	♂	♂	♂
1	Продольный диаметр	179	176	173	171
8	Поперечный диаметр	148	140	153	153
17	Высотный диаметр	126	120	123	128
5	Носоосновной диаметр	99	100	98	104
9	Наименьший лобный диаметр . . .	82	89	87	91
10	Наибольший лобный диаметр	115	110	125	122
8:1	Черепной указатель	82.7	79.6	83.4	83.5
17:1	Высотнопродольный указатель . . .	70.4	73.3	71.1	74.9
17:8	Высотнопоперечный указатель . . .	85.1	92.1	80.4	83.7
9:8	Лобнопоперечный указатель	55.4	63.6	56.9	59.5
9:10	Указатель лба	71.3	80.9	69.6	71.6
40	Длина основания лица	95	90	103	—
45	Скуловой диаметр	146	137	140	—
47	Высота лица общая	121	29	—	—
48	Высота верхней части лица	71	82	81	—
40:5	Указатель прогнатизма	96.0	90.0	105.1	—
47:45	Общедолевовой указатель	82.9	94.2	—	—
48:45	Лицевой указатель	48.6	59.9	57.9	—
51a	Ширина орбиты	43	42.5	41	—
52:51a	Указатель орбиты	89.1	84.1	82.9	—
52	Высота орбиты	37	40	34	—
54	Ширина носа	24	24	25	—
55	Высота носа	54	60	57	—
54:55	Носовой указатель	44.4	40.0	43.9	—
	Симатический индекс	15.6	16.3	44.4	—
	Фронтальный индекс	10.0	8.1	10.4	7.3
62	Длина нёба	33	37	47	—
63	Ширина нёба	42	43	46	—
64	Высота нёба	12	12	18	—
64:62	Указатель широкого нёба	127.3	116.2	97.9	—
64:63	Указатель высоты нёба	28.6	27.9	39.1	—
32	Угол лба	70°	73°	75°	—
72	Угол профиля лица	85°	89°	88°	—
75(1)	Угол носа	33°	21°	—	—
	Надбровье (1—6)	4	1	2	1
	Собачья ямка (0—4)	1	1	2	—
	Подносовой шип	3	—	3	—
	Форма черепа	Ов.	Ов.	Ов.	Ов.
	Нижний край носового отверстия .	Ант.	Ант.	Ант.	Ант.

卷之三

卷之三

№№ по Мартину	Н а з в а н и е п р и з н а к а	Долгане 76	Т у р у қ а н с к и е т у н г у с ы	
			30	3♂
1	Продольный диаметр	172.9	174.3	
8	Поперечный диаметр	149.1	150.7	
5	Носоосновной диаметр	98.9	92.2	
9	Наименьший лобный диаметр	86.9	89.3	
10	Наибольший лобный диаметр	119.3	118.3	
17	Высотный лобный диаметр	126.0	124.5	
40	Длина основания лица	98.3	99.5	
45	Скуловой диаметр	140.2	143.3	
48	Высота верхней части лица	76.0	77.3	
51а	Ширина орбиты	42.2	41.5	
52	Высота орбиты	34.5	36.7	
54	Ширина носа	25.0	27.0	
55	Высота носа	55.0	54.7	
52	Длина нёба	43.3	45.0	
53	Ширина нёба	43.7	41.1	
54	Высота нёба	13.5	8.7	
32	Угол лба	77.2°	74.9°	
72	Угол профиля лица	83.2	85.0°	
75(1)	Угол носовых костей	22.8°	20.0°	
8: 1	Черепной указатель	86.4	85.6	
17: 1	Высотнопродольный указатель	73.0	71.6	
17: 8	Высотнооперечный указатель	85.6	82.3	
9: 8	Лобнопоперечный указатель	58.2	59.2	
9: 10	Лобный указатель	72.9	75.5	
48: 45	Лицевой (верхней части) указатель	77.1	73.1	
52: 51а	Орбитный указатель	87.7	88.1	
54: 55	Носовой указатель	45.5	49.5	
53: 52	Нёбный указатель	102.8	93.2	
54: 53	Височнёнёбный указатель	30.8	22.6	
40: 5	Указатель прогнатизма	100.4	100.4	
	Фронтальный указатель	10.8	10.7	
	Симатический указатель	25.5	27.5	

Таблица 2

Есесейские якуты зб	Туркмены 13 ¹	Прибай- кальские тунгусы (Богинский)	Якуты II группы (Юэровки)	Орочи (Левин)	Кеминские тувники (Дебед)	Казахи (Дебед)
177.3	174.2	192.7	185.8	176.5	184.1	182.5
142.0	148.6	144.4	148.0	149.2	147.5	155.9
99.7	99.1	102.8	102.4	96.6	95.5	100.0
89.3	87.3	91.0	91.8	93.6	—	—
110.0	117.0	—	—	—	—	—
122.7	125.0	129.6	143.7	130.7	139.9	122.0
101.7	99.5	104.9	98.0	97.2	—	—
140.0	141.1	143.6	141.2	138.1	133.8	148.2
75.7	76.2	76.4	81.2	73.9	73.3	76.7
42.0	41.9	40.5	—	39.6	—	—
36.9	35.4	35.9	—	35.1	—	—
27.7	26.2	27.0	—	24.6	—	—
53.7	54.6	55.5	—	52.5	—	—
44.7	44.3	54.4	—	—	—	—
12.3	42.7	44.6	—	—	—	—
9.3	11.3	—	—	—	—	—
73.0 ²	75.6 ²	77.0 ²	79.2 ²	85.1 ²	85.8 ²	78.0 ²
83.3 ²	86.2	85.9 ²	89.8 ²	87.5 ²	86.4 ²	87.1 ²
46.3 ²	20.0 ²	17.9 ²	20.5 ²	16.3 ²	18.8 ²	24.1 ²
39.1	34.9	75.4	79.3	81.6	85.8	—
59.2	71.8	67.4	75.3	74.0	71.1	70.7
83.4	85.0	89.5	91.9	87.6	88.7	83.3
69.8	59.0	62.7	—	66.6	—	—
78.5	74.7	—	—	—	—	—
—	—	—	—	12.0	53.2	52.0
85.7	87.2	88.5	84.4	83.9	84.7	87.4
51.6	47.2	48.9	41.4	45.8	50.3	51.1
93.4	97.3	87.5	99.1	—	—	—
22.5	26.7	—	33.9	—	—	—
102.0	100.8	102.5	95.5	95.8	99.1	98.0
11.3	10.9	—	11.1	—	—	—
71.3	95.2	—	31.2	—	—	—

и возможности объединения их в одну морфологическую группу, которую мы условно называем туруханцами.¹

Туруханцы как целое обладают коротким, среднешироким и низким черепом, очень широким по черепному и средневысоким по высотному указателям; широким и высоким лицом; со средневысокими глазницами, среднешироким (нижняя граница) носом, с широким нёбом.

Заключение о морфологическом своеобразии населения Туруханского края и об отличии его от одноплеменного населения болееюжной полосы, которое мы делаем на основе краниологических данных, подтверждается наблюдениями, произведенными над живыми. Миддендорф, видевший в долгах Туруханского края западный якутский авангард и нашедший среди них своего представителя „подлинно якутского“ типа, в конце концов не мог не констатировать, что „отличать любого долгана от тунгуса“ почти невозможно.²

Равным образом, Майнов, на основании личных наблюдений и наблюдений своих предшественников, говорит о существовании двух типов тунгусов — северного и южного: „Обе группы, — пишет Майнов, — многим отличаются от ходячего представления о типичном монголе, и еще более отличаются одна от другой“³ (разрядка моя, — А. Ю.). Граница районов обитания этих групп тунгусов проходит, по Майнову, где-то севернее Станового хребта.

Так же Н. А. Синельников, на основе собранного В. И. Анучиным антропологического материала по енисейским осякам (кето, — А. Ю.), пишет следующее: „Довольно близко они подходят к северным тунгусам Майнова... но с южными и в особенности суммарными тунгусами енисейцы имеют уже мало общего.“⁴

Заслуживает внимания указание В. А. Серошевского⁵ на антропологическое различие, существующее между якутами более южной части области и их соплеменниками, живущими ближе к Северному Ледовитому морю, с одной стороны, и несходство последних со своими северными соседями — тунгусами и юкагирами, — с другой.

сходство их черепов с черепами орочей Ленина.¹ Орочи же, согласно описаниям Шренка,² больше чем другие амурские народности, сближаются с северными тунгусами, как последних характеризует Миддендорф.

Соглашаясь с названными выше исследователями в вопросе существования морфологических различий между северным и южным населением Сибири, мы, однако, очень далеки от мысли утверждать, как это делает, например, И. И. Майнов, что „северяне“ представляют остатки какой-то (или каких-то) древней расы, оттесненной в давно минувшие времена пришельцами с юга к оконечности материка и воспринявшей культуру более развитых пришельцев.

Не отрицая существования и в доисторические времена миграций человечества, мы считаем, что они никогда не носили такого массового характера, как это иногда рисуется, и их результаты никогда не приводили к таким колоссальным передвижениям народных масс, как оттеснение целых „рас“ на оконечности материков.

Совершенно иным представляется нам процесс, имевший место в прошлом. Прежде всего, здесь сталкивались две культуры, лишь незначительно различающиеся между собой в отношении степени развития техники; поэтому здесь не могло иметь места массовое уничтожение аборигенов или отгеснение их в мало-доступные районы. Пришельцы немногочисленными островками вкрапливались в массу местного населения и, если первые обладали более высокой развитой техникой и более богатой культурой, постепенно приобщали к ней более отсталое местное население или, наоборот, сами ассимилировались последним, если оно стояло выше пришельцев. Таковым нам представляется и процесс анатогенеза на территории севера Туруханского края.

Местное население — туруханцы, — как мы условно называем, является автохтонным, а не пришедшем или оттесненным откуда-то из центра материка. Их морфологический тип является результатом длительной эволюции в условиях, различия, имеющие своеобразное направление, не тандемное и направление их южных или юго-восточных, а возможно, и восточных и западных соседей. Повидимому, все туруханцы в сравнительно недавнее еще время в этническом отношении принадлежали к тунгусам. Но на востоке по Анабару и Балую и на юге — якутская культура, и ессыеевые якуты и долгане являются очуканными туруханцами.

Мы не располагаем никакими данными для суждения о том, как возникла у туруханцев тунгусская культура, но факт широкого распространения последней в восточной половине Сибири в сравнительно недавнее время может считаться бесспорным уже после исследований Шренка.

Не решая вопроса о том, были ли тунгусская культура и языки заимствованы частично „туруханцем“ у своих южных соседей и явились

¹ М. Г. Ленин. Материалы к изучению приморских орочей. Антропол. журн., 1936.

² А. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1893.

одним из древних нацластваний на ранее существовавшие культурные элементы, или они возникли у них в процессе самостоятельного развития, — не решая этого вопроса, можно утвердительно говорить, что в более позднее время часть „туруханцев“ усвоила якутскую культуру, другая же — сохранила тунгусскую.

Очень интересным является вопрос о границах распространения физического типа туруханцев, на восток и на запад от Туруханского края. К сожалению, почти полное отсутствие антропологических материалов по населению соответствующих районов Якутской АССР и западной части Сибири не позволяет пока решать его.

и возможности объединения их в одну морфологическую группу, которую мы условно называем турухандами.¹

Туруханцы как целое обладают коротким, среднешироким и низким черепом, очень широким по черепному и средневысоким по высотному указателям; широким и высоким лицом; со средневысокими глазницами, среднешироким (нижняя граница) носом, с широким нёбом.

Заключение о морфологическом своеобразии населения Туруханского края и об отличии его от одноплеменного населения более южной полосы, которое мы делаем на основе крациологических данных, подтверждается наблюдениями, произведенными над живыми. Миддендорф, видевший в долганах Туруханского края западный якутский авангард и нашедший среди них своего представителя „подлинно якутского“ типа, в конце концов не мог не констатировать, что „отличать любого долгана от тунгуса“ почти невозможно.²

Равным образом, Майнов, на основании личных наблюдений и наблюдений своих предшественников, говорит о существовании двух типов тунгусов — северного и южного: „Обе группы, — пишет Майнов, — многим отличаются от ходячего представления о типичном монголе, и еще более отличаются одна от другой“³ (разрядка моя, — А. Ю.). Граница районов обитания этих групп тунгусов проходит, по Майнову, где-то севернее Станового хребта.

Так же Н. А. Синельников, на основе собранного В. И. Анучиным антропологического материала по енисейским остыкам (кето, — А. Ю.), пишет следующее: „Довольно близко они подходят к северным тунгусам Майнова... но с южными и в особенности суммарными тунгусами енисейцы имеют уже мало общего.⁴

Заслуживает внимания указание В. А. Серошевского⁵ на антропологическое различие, существующее между якутами более южной части области и их соплеменниками, живущими ближе к Северному Ледовитому морю, с одной стороны, и не сходство последних со своими северными соседями — тунгусами и юкагирами, — с другой.

Иными словами, все исследователи согласно утверждают существование морфологических различий между населением северной и южной полосы Восточной Сибири. В свете этих утверждений нам представляется вполне закономерным выделение нашей группы туруханцев как представителей этого северного типа.

Основание же для того, чтобы говорить о туруханцах, как о представителях именно северного типа, мы находим в значительном

¹ Хранящиеся в МАЭ два черепа енисейских остыков, доставленные В. И. Анучиным, как будто бы также должны быть причислены к этой же морфологической группе.

² Миддендорф, ук. соч., стр. 68).

³ И. И. Майнов. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск, 1926, стр. 110.

⁴ Н. А. Синельников. Енисейские остыки (по наблюдениям и измерениям В. И. Анушина). М., 1911, стр. 23.

⁵ В. А. Серошевский. Якуты. СПб., 1396.

сходствах их черепов с черепами орочей Левина.¹ Ороши же, согласно описаниям Шренка,² больше чем другие амурские народности, сближаются с северными тунгусами, как последних характеризует Миддендорф.

Соглашаясь с названными выше исследователями в вопросе существования морфологических различий между северным и южным населением Сибири, мы, однако, очень далеки от мысли утверждать, как это делает, например, И. И. Майнов, что „северяне“ представляют остатки какой-то (или каких-то) древней расы, оттесненной в давно минувшие времена пришельцами с юга к оконечности материка и воспринявшей культуру более развитых пришельцев.

Не отрицая существования и в доисторические времена миграций человечества, мы считаем, что они никогда не носили такого массового характера, как это иногда рисуется, и их результаты никогда не приводили к таким колossalным передвижениям народных масс, как оттеснение целых „рас“ на оконечности материков.

Совершенно иным представляется нам процесс, имевший место в прошлом. Прежде всего, здесь сталкивались две культуры, лишь незначительно различающиеся между собой в отношении степени развития техники; поэтому здесь не могло иметь места массовое уничтожение аборигенов или отгеснение их в мало-доступные районы. Пришельцы, немногочисленными островками вкрашивались в массу местного населения и, если первые обладали более высокой развитой техникой и более богатой культурой, постепенно приобщали к ней более отсталое местное население; или, наоборот, сами ассимилировались последним, если оно стояло выше пришельцев. Таковым нам представляется и процесс этногенеза на территории севера Туруханского края.

Местное население — туруханцы, — как мы его условно называем, является автохтонным, а не приледниковым или отгесненным откуда-то из центра материка. Их морфологический тип является результатом длительной эволюции, изменения, имеющего своеобразное направление, не тождественное с направлением их южных или юго-восточных, а возможно, и восточных и западных соседей. Повидимому, все туруханцы в сравнительно недавнее еще время в этническом отношении принадлежали к тунгусам. Но на востоке по Анабару и Вилую к ним проникла якутская культура, и ессыеиские якуты и долгане являются очищенным туруханцами.

Мы не располагаем никакими данными для суждения о том, как возникла у туруханцев тунгусская культура, но факт широкого распространения последней в восточной половине Сибири в сравнительно недавнее время может считаться бесспорным уже после исследований Шренка.

Не решая вопроса о том, были ли тунгусская культура и язык заимствованы частью „туруханцев“ у своих южных соседей и явились

¹ М. Г. Левин. Материалы к краинологии приморских орочей. Антропол. журн., 1936.

² А. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1833.